

Весной 1993 г. в Вандербилтском университете (Нэшвилл, штат Теннесси) состоялась юбилейная сессия Общества развития американской философии. Доклады и выступления на сессии отличались повышенным интересом к социальной тематике. Так, глобальные проблемы современного мира никого не оставили равнодушным. Эйфория, наступившая на Западе вслед за распадом Советского Союза, уступает место озабоченности тем, как развиваются социальные процессы в новых государствах, каковы тенденции и структуры взаимовлияния регионов цивилизации. За этим стоит простой, но весьма неоднозначно понимаемый вопрос: вступает ли мир в эпоху торжества сбалансированной либеральной демократии либо нас ожидают серии мощных конфликтов? Социальная мысль может предложить определенные «инструменты», метатеоретические конструкты для анализа различных коллизий современности. Вместе с тем надежность былых советологических подходов под сомнением. На этом фоне особое значение приобретают труды выдающегося американского прагматиста Джона Дьюи, в работах которого фактически выражена парадигма американской цивилизации и ее саморефлексии. Многие социологи и социологические школы обращались к творчеству этого мыслителя. Однако его идеи, возможно, достойны еще большего внимания.

Ниже приводятся доклад доцента социологического факультета Московского университета Н.Б. Покровского и выступление его официального оппонента, профессора Техасского университета в Остине д-ра Д.Браунинга. В известной мере они дают представление о дискуссии, которая вызвана нынешними социальными реалиями и заслуживает продолжения.

© 1994 г.

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

ТЕОРИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ: КЛАССИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ (20 ТЕЗИСОВ)

Стремление понять изменения макроструктур в современном мире неизменно заставляет нас обращаться к классическим теориям прагматизма и функционализма. Эти теории, как бы ушедшие в прошлое, раскрывают перспективу для осмысления коренных проблем, связанных с последними событиями цивилизации, с направлением ее движения, с будущим. Классики социальной философии и социологии XX века намечают черты века грядущего.

1. В начале своей знаменитой книги «Демократия и образование» (1923) Джон Дьюи исследует общие подходы к интерпретации социального опыта. Среди ключевых понятий его социальной теории, которая по-прежнему сохраняет важность в контексте современной

истории, можно выделить три основные концепции — **непрерывность** (continuity), **транзитивность** (transmission) и **коммуникация** (communication). Развитие социоэкономической и политической ситуации в мире позволяет рассмотреть эти понятия, введенные Джоном Дьюи, под новым углом зрения.

2. «Непрерывность — это процесс последовательной и целостной взаимной адаптации окружающей среды и потребностей живых организмов» [1, р. 2]. В этом смысле непрерывность следует рассматривать как наиболее важную характеристику социальной жизни, которая, по словам Дьюи, есть «обычай, институты, верования, победы и поражения, отдых и труд». Социальная жизнь для него — синоним понятия "человеческий опыт", универсальной холистской концепции нашего самодостаточного существования в мире. Таким образом, непрерывность, «непрерываемость», эволюционность, подержанные различными формами опыта, приводят к самообновлению социальных групп и индивидов. Этот процесс самообновления и социального «роста» опыта представляет собой процесс образования (обучения). На его основе осуществляется преемственность форм жизни и происходит социализация в самом широком смысле этого термина.

3. Транзитивность, по мысли американского философа, становится «переносом» опыта из одной социальной области в другую, а коммуникация — смысловым контекстом этого переноса и обмена информацией.

4. Непрерывность, транзитивность и коммуникация обеспечивают средства выживания современного общества и требуют, чтобы рост человеческого опыта происходил непрерывно, т.е. без пауз и нарушений преемственности, на постоянной основе. Последовательность роста и саморазвития должны рассматриваться, согласно Дьюи, в качестве принципа, жизненно значимого для понимания социальных институтов современного общества. Принципы непрерывности и транзитивности нашли свое логическое отражение в понятии социальной функции в интерпретации, данной Робертом Мертоном (1949), подчеркивавшим непрерывный, недискретный характер социальной жизнедеятельности.

5. Согласно функционалистскому подходу в теоретической социологии, различные компоненты социальной структуры (главным образом, группы) проявляют себя и достигают самореализации исключительно благодаря своим функциям — положительным последствиям деятельности социальных объектов, поддерживающих стабильность целого. Функционализм настаивает на принципе, в рамках которого всякий вид социального опыта, любые традиции, идеи, материальные объекты или верования играют определенную жизненно важную роль в контексте структуры в целом. «Функции — это такие наблюдаемые последствия, которые служат адаптации и приспособлению данной системы (к внешней среде. — *Н.П.*)» [2, р. 105].

Тем не менее в социальном опыте содержится подчас немало дисфункциональных последствий. В этом смысле дисфункциональные компоненты опыта — такие наблюдаемые последствия, которые снижают приспособление или адаптацию системы к внешней среде. В каждом отдельном случае любой элемент социального опыта, рассмотренный в перспективе различных структурных уровней, может иметь как функциональные, так и дисфункциональные последствия. Это в свою очередь приводит к формулированию задачи — рассмотреть сложную и важную проблему критериев итогового баланса агрегированных последствий [Ibid.]. Итоговый баланс функциональных и дисфункциональных компонентов конкретной системы показывает, в какой степени последняя повышает (или понижает) степень непрерывности, транзитивности и коммуникативности социального опыта, который она генерирует как результат своей деятельности. Функции данной системы следует рассматривать как фактор поддержания непрерывности опыта, дисфункции же ведут к возникновению дискретности и фрагментации, они нарушают транзитивность и коммуникативность системы. Таким образом, можно сказать, что принцип непрерывности Дьюи и функционалистский подход Мертона весьма родственны как по своему происхождению, так и по своей теоретической природе.

6. Один из наиболее ярких примеров совместимости принципа непрерывности и функционального анализа можно обнаружить в теории конвергенции — прикладной социальной гипотезе, согласно которой сходные проблемы в капиталистических и социалистических обществах способны повлиять на их эволюцию в направлении достижения слияния [3,4]. С прагматической и функционалистской точек зрения это означало, что гипотетический процесс слияния двух находившихся во взаимном антагонизме суперсистем имел своей конечной причиной тенденцию этих систем повысить функциональную адаптацию к новой социальной ситуации (или среде).

7. Авторы классических теорий конвергенции (Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, А. Сахаров, П. Сорокин, Ж. Фурастье и др.) утверждали, что историческая эволюция современного

индустриального, а впоследствии и постиндустриального общества создает условия для сближения и взаимной инфильтрации двух противоположных систем — западного капитализма и восточного коммунизма. Взгляды названных «конвергенциалистов» отличались оптимизмом: по их мнению, западный индустриализм и либеральная демократия поглотят и преобразуют структуры восточного коммунизма в контексте всеохватного процесса модернизации [см. 5]. В более широком плане это означало, что рационалистические структуры западной экономики, политики и культуры подвергнут переработке все коммунистические институты, создавая из этого материала новый тип «смешанного общества», сочетающего положительные черты обеих систем. Последнее должно было существенно повысить адаптивность нового общества к условиям внешней социально-глобальной среды.

Понятие «рационалистический», «рациональность» употребляется здесь не в веберовском, а в его изначальном, декартовском смысле как «естественный свет разума», раскрывающийся человеку, следующему требованиям рационалистического метода и уважающему свою интеллектуальную интуицию. Рациональность тесно связана с понятием «гуманизм». В этом смысле можно условно приравнять рационализм к функциональности, а иррационализм — к дисфункциональности.

8. Историческая реальность свидетельствует о том, что активно разворачивающаяся на наших глазах конвергенция регенерирует по преимуществу иррационалистические тенденции, присущие указанным системам. (На возможность этого указывали в свое время Г. Маркузе, Ю. Хабермас и Р. Хейлбронер.)

Современная конвергенция прежде всего приводит к взаимной гравитации и интеграции иррационалистических, дисфункциональных структур США и бывшего Советского Союза.

В современных условиях бюрократизированный рационализм целеполагающих социальных структур (в веберовском смысле) не может продолжить себя, не переходя на более высокий уровень осмысления комплексных и многомерных проблем человечества в его настоящем и будущем. Трезвая рассудочность хозяина, производителя и собственника должна развиваться до уровня «человека разумного», наделенного гуманистическим видением социальной перспективы. Таков может быть новый «неоклассический» статус рациональности в современном мире [6-9].

Однако свойственный современным западным структурам экономической релятивизм, принципиальный отказ от долгосрочного планирования и широкоохватного социального прогноза, устойчивая «одномерность» социального мышления, уклонение от многофункционального исследования сложных процессов, ограниченность горизонта политического анализа, корпоративный антиинтеллектуализм, моральный и исторический мифологизм массового сознания на Западе прекрасно сочетаются с наиболее иррациональными структурами дегенерирующего бывшего социалистического общества, в котором все еще по-прежнему процветают бюрократически-тоталитарное мышление, аппаратное безрассудство, оголтелый эгоизм социальных и политических групп и группировок.

Неспособность западного социального и политического мышления рационально осмыслить и проконтролировать трансформацию коммунистических структур и очевидное бессилие посткоммунистического интеллекта произвести самореформирование свидетельствуют об их равной бесперспективности.

9. Обе социальные системы в равной степени игнорируют значимость объективного социального знания и рационального прогнозирования, что идет вразрез с принципом непрерывности, транзитивности и коммуникативности, выдвинутым Дьюи. Объективное рациональное и структурированное знание перестало быть социально значимым и потеряло свою ценность как на Западе, так и в бывших коммунистических государствах. Все реже и реже социально значимые программы во внутренней и внешней политике строятся на основе многомерного моделирования, анализа всех возможных вариантов и долговременных перспектив. Прямое спонтанное действие, часто волонтаристское, преобладает над разумной рефлексией и трезвым размышлением. В государственной политике обеих конвергирующих систем господствует принцип краткосрочного политического интереса малого радиуса охвата, т.е. учета интересов малых, переходных социальных группировок. Иррациональный эмпиризм, по существу, подчиняет себе стратегическое видение будущих перспектив.

В итоге так называемой перестройки и постперестройки на Востоке и серии политических и экономических спадов на Западе создаются смешанные западно-восточные конгломераты (межгосударственные экономические и политические псевдосоюзы, компании и организации; изначально неэффективные, но широко рекламируемые программы экономической помощи и культурных обменов). Все это как бы накапливает в себе иррационалистический потенциал

конвергенции двух систем и генерирует волны нового мифологизма. Трезвость и рациональность уступили свои позиции некритическому мышлению.

10. Иррациональные компоненты конвергенции обладают несравненно большей силой взаимной гравитации, чем рациональные, стремящиеся к разумному индивидуализму и творческой самореализации. Величайшая трагическая черта XX века состоит в том, что перестройка в России, триумф либеральной демократии и общества потребления на Западе привели не к «концу истории» (выражение Ф. Фукуямы), а к выходу всего человечества на рубеж тотальной «хрустализации» всего планетарного сообщества. Это и Чернобыльская катастрофа, и война в Персидском заливе, и операция ООН в Сомали, и экономико-политический хаос в бывшем Советском Союзе (включая все «незаживающие» этнические конфликты), и гражданская война в бывшей Югославии, и экономический спад в США. Эти и многие иные социальные явления не поддаются осмыслению с точки зрения рациональности.

Фрагментация и «хрустали зация» социальных структур обозначают очевидное нарушение непрерывности и прямое разрушение социального опыта, накапливавшегося веками.

11. Общим свойством рассматриваемой социальной «хрустализации» можно считать:

а) нарастание иррациональных волн, вымывающих из структур социального действия социальную логику; все труднее обнаружить непрерывность в передаче опыта, аккумулярование социального знания и методов его использования, последовательность, долгосрочность, контролируемость социальных процессов и их предсказуемость;

б) всеобщее распространение открытой и скрытой социальной паники — укоренение во всех социальных структурах массового беспокойства, коллективных неврозов, дезориентации социальных ценностей; постепенно аномия (anomie), в мертоновской трактовке понятия, овладевает все более широкими социальными пространствами;

в) наступление профессиональной некомпетентности и нравственной неоформленности носителей действия на всех уровнях структуры, и прежде всего на уровне принятия решений;

г) приближение как западных, так и посткоммунистических структур, прошедших конвергенцию, к порогу легкодоступного и практически неконтролируемого разрушения цивилизации;

д) политическое жонглирование идеями новой гражданской войны в России и «новой революции» в США и западном мире, как одно из ярких проявлений иррационализма;

е) практическое узаконивание терроризма как средства достижения политических целей. Любая из перечисленных иррациональных тенденций ведет к драматическому разрушению последовательности и преемственности опыта.

12. Катастрофизм современного состояния цивилизации проявляется в том, что человечество приближается к новому мировому конфликту. Последний и есть высшее порождение конвергенции иррациональных структур, многократно усиливающих деструктивные (дисфункциональные) тенденции, присущие как западной, так и посткоммунистической общественным системам.

Этот конфликт отличается от двух мировых войн и того, какой обычно представлялась третья мировая война в популярных исследованиях и средствах массовой информации. В новом глобальном конфликте не будет ни линии фронта, разделяющей воюющие стороны, ни фактов применения ядерного оружия, ни прямого захвата территорий и силового узурпирования политической власти.

13. Новый тотальный конфликт будет иметь «бесконтактный» характер. Цели войны достигаются не с помощью открытого применения силы, а с использованием угрозы ее применения на макро- и микроуровнях. Функцию социального контроля отныне осуществляет иррациональный и бессознательный страх. Это непосредственно соотносится с мировым терроризмом, превратившимся в одно из главных средств ведения новой войны.

14. В вертикальном измерении новый глобальный конфликт сопровождается турбулентностью распада и спорадичностью воссоздания управленческих и политических структур. Их постоянное «перемешивание», облегченные переходы с одного уровня на другой, лишённые структурного алгоритма («отсутствие логики»), не мотивированные личными профессиональными качествами взлеты индивидуальных карьер с широчайшими областями ответственности — характерные черты современных конвергированных систем. Быстро возникающие и сразу же исчезающие фигуры на политическом и экономическом небосклонах, отсутствие критериев ролевой идентификации носителей действия, снижение профессионализма на всех уровнях становятся обыденными явлениями, некритически воспринимаемыми обществом.

15. Для горизонтально-географического измерения приближающегося конфликта характерны многоцентровое зарождение напряженности, ее нарастание и последующие взрывы.

Напряженность приобретает прогрессирующий очаговый характер (национально-этнические конфликты, зоны экономической деградации и протеста, очаговые метастазы терроризма и агрессивности, не имеющие рационального обоснования). Все это создает совершенно новую «социально-сейсмическую» карту мира и его отдельных регионов.

16. Главным носителем «вирусов» нового конфликта становятся транснациональные информационные и транспортные сети, объединяющие все мировое пространство и объективно способствующие превращению очагов иррациональности в «зоны иррациональности». Повсеместное распространение чрезвычайно «емких» средств массовой информации и сравнительно высокая географическая мобильность способствуют возникновению этих «зон иррациональности».

17. Новый мировой конфликт, во многом информационный по способу своего распространения, сам диктует противостояния. Они могут и должны обладать информационно-рационалистическим характером. А именно:

а) объединять интеллектуально-рационалистические структуры (прежде всего профессиональные) в узлы сопротивления иррационализму;

б) создавать динамическую систему взаимодействия информационных узлов на горизонтальном уровне и по вертикали;

в) превращать очаги рационалистической информации в центры власти.

18. Единственный путь, который могут использовать рациональные структуры, сопротивляющиеся волнам иррационализма, связан с соблюдением «принципа лилипутов» (the Lilliput principle). Вспомним, как лилипуты тонкими веревочками опутали все тело и длинные волосы Гулливера. Так и «тело иррациональности» может быть заблокировано многочисленными малыми «путями» рациональных программ. Ни одна прямая атака против иррационалистического Гулливера не может привести к успеху. Среди ведущих принципов «лилипутской стратегии»:

а) многофункциональное информационное присутствие рациональных структур в «теле иррациональности»; рационалистический мониторинг иррационалистической экспансии, сопровождающийся адекватной информацией и вариативным социальным моделированием;

б) непрерывная и последовательная (в духе Дьюи) организационная поддержка рациональности в виде целевых исследовательских программ и их информационного объединения;

в) финансовая поддержка антииррационалистических структур.

Эти подходы позволяют наметить основные направления сопротивления расширяющейся иррациональности.

19. Сопротивление угрозе надвигающегося конфликта требует поисков «новой общности» (new public) и «Великого сообщества», принципы которых были сформулированы Джоном Дьюи в его книге «Общественность и ее проблемы» (1927). Так как для Дьюи демократия «не есть альтернатива иным принципам социального устройства. Она выражает саму идею человеческого сообщества» [10, р. 148], сопротивление иррациональности должно развиваться на основе объединения трезвомыслящих и заинтересованных профессионалов. С помощью распространения свободной информации, раскрывающей и укрепляющей рациональные структуры взаимодействия, можно построить преграду на пути дисфункциональной иррациональности, которая в противном случае грозит стать необратимой.

20. Согласно «теореме Томаса» (W.I. Thomas), «если люди определяют некоторые ситуации как реальные, эти ситуации реальны в своих последствиях» [11, р. 29]. Это означает, что у существующего ныне общества нет заранее установленных рамок, ограничивающих возникновение новой социальной реальности. Все зависит от социальной воли и рациональности. В свою очередь, это ведет к возможности рационально обоснованного создания будущей реальности. «Только отказ от социального фатализма может разрушить взгляд на природу человека как неизменную, находящуюся в трагическом круге страха и социальных катастроф» [2, р. 490]. Если мы признаем рационалистические модели в качестве истинных, они начинают функционировать в обществе как истинно существующие.

Конвергенция, как впрочем и сама история, не имеет ни прогрессивного, ни регрессивного характера. Смена иррационалистической и рационалистической парадигм происходит циклически, но отнюдь не автономно по отношению к носителям социального действия, выступающим в качестве самосознающих субъектов исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dewey J.* Democracy and education. New York: Macmillan, 1923.
2. *Merton R.* Social theory and social structure. New York: The Free press, 1968.
3. *Hollander P.* Soviet and American society: A comparison. New York: Oxford University press, 1978.
4. *Form W.* Comparative industrial sociology and the convergence hypothesis // *Annual Review of Sociology.* 1979. 5.
5. *Tiryakian E.* Dialectics of modernity: reenchantment and differentiation as counterprocesses // H. Haferkamp, N. Smelser (eds.). Modernization and social change. Berkley and Los Angeles: University of California press, 1991.
6. *Uchtblau K.* A «derivative» convergence theory is closer to the realities of societies in the modern world // *Theory.* The newsletter of the research committee on social theory. International Sociological Association. Uppsala, 1992.
7. *Sztompka P.* Theoretical lessons of the transition from communism: convergence theory reconsidered // *Theory.* The newsletter of the research committee on social theory. International Sociological Association. Uppsala, 1991.
8. *Assar K.* Developing countries and convergence theory // *Theory.* The newsletter of the research committee on social theory. International Sociological Association, 1992.
9. *Crespi F.* Convergence theory as a last ideology? // *Theory.* The newsletter of the research committee on social theory. International Sociological Association, 1991.
10. *Dewey J.* The public and its problems. Denver: Allan Swallow, 1927.
11. Moments of thought in the nineteenth century. Chicago: University of Chicago Press, 1936.

© 1994 г.

Д. БРАУНИНГ

КОММЕНТАРИЙ К ВЫСТУПЛЕНИЮ Н. ПОКРОВСКОГО

Мы прослушали важный доклад. Никита Покровский делится с нами своим видением противоречивой конвергенции социальных структур восточного коммунизма и западного капитализма, конвергенции, характеризующейся, по мнению Н. Покровского, не столько позитивными тенденциями, сколько иррационализмом, социальной фрагментаризацией и политическим безрассудством. Надо признать, что уважаемый оппонент далек от оптимизма в оценке результатов этой конвергенции. Вместе с тем, доклад примечателен своей откровенностью, глубокой болью и озабоченностью по поводу нашего общего состояния.

Разумеется, весьма приятны комплиментарные оценки взглядов Джона Дьюи на непрерывность, коммуникативность и «Великое сообщество». Мы находим весьма лестным и то, как докладчик воспринимает Дьюи (быть может, самого американского из всех американских философов), давшего не только инструмент осмысления современного неопределенного состояния, но и высказавшего тонкие предположения относительно того, как следует разумно на него реагировать.

Мой ответ на весьма острый доклад Н. Покровского содержит два момента.

Давайте договоримся, что, если мы привлекаем идеи Дьюи в наши дни, то будем использовать их адекватно концепции самого Дьюи. Докладчик склоняется к тому, чтобы охарактеризовать происходящую конвергенцию двух мегасистем, используя понятия **рациональности** и **иррациональности**. Но, что касается Дьюи, то говорить о конкретных и исторически определенных проблемах людей в терминах рационального — иррационального не вполне точно. В глазах самого Дьюи это могло бы способствовать реанимации отживших категорий и гипотез ложного мифологизма. Дьюи совершенно определенно и однозначно отдал предпочтение понятию «интеллект» (intelligence). «Разум» — слишком грандиозная категория, слишком высокопарная для заземленной практической работы по разрешению «проблем людей».

Более существенное возражение состоит в том, что Дьюи отказался от языка и содержательных подходов, типичных для традиционной философии, и противопоставил им всемерное акцентирование конкретных социальных проблем нашего общества. Так, мы должны анализировать наше общество с помощью остро отточенных понятийных инструментов, созданных в ходе прошлого исторического развития. Вместе с тем мы обязаны всегда быть готовыми к переделке наших прежних понятийных инструментов или же созданию их заново согласно тому контексту, в котором они возникают. Н. Покровский привносит в анализ современной мировой ситуации набор понятийных инструментов, которые базируются на

социологической теории и охватывают анализ социальных групп и организаций (в их функциональных и дисфункциональных аспектах), причем в масштабах общества в целом. Но для Дьюи интеллектуальный подход к проблемам общества потребовал бы иных инструментов и средств, возможно, даже замены в некоторых проблематических ситуациях личных, частных интересов интересом общественным. Как отмечал Дьюи в своей «Этике» (1932), написанной в соавторстве с Дж. Тафтсом, «мы должны рассматривать возможные последствия любой предложенной меры в свете ситуации, определяемой в понятиях пространства и времени в их конкретном звучании. Не существует универсального правила, например, измерения частного и общественного характера действия». Далее он поясняет на примере: «Было время, когда религия и церковные богослужения представляли собой исключительно общественные (публичные) функции. Теперь же почти все убеждены, что гораздо лучше рассматривать религию в качестве личного (частного) и сугубо добровольного дела» [1].

Суть этой цитаты заключена в последней фразе, которая может показаться кое-кому у нас в Соединенных Штатах не соответствующей моменту (имеются в виду богослужения в школах, запрет на аборт, неопуританизм в отношении антиалкогольной и противотабачной кампаний, которые толкают людей прямо в противоположную сторону). Но проблема остается. Решение социальных вопросов в свете создания социальных инструментов реорганизации и преобразования этих проблем в целом, в масштабах общества не всегда может быть эффективным.

Мое второе замечание имеет более принципиальный характер.

Концепция «рациональной конвергенции», так ее понимает Н. Покровский, кажется мне чрезмерно функционалистски интегрированной и излишне единообразной в отношении составляющих ее элементов — как на вкус Дьюи, так и на американский вкус вообще. Дьюи, я полагаю, согласился бы с Ницше, что истинно «здоровое общество» не то, в котором нет вирусной инфекции, но то, которое сильно настолько, что, хотя несет в себе все «вирусы» диссидентства, подрывной деятельности и даже преступности, способно сопротивляться их росту, дабы они не развились до пределов всеобщей дестабилизации. Я рассматриваю это в качестве составной части идеала плюралистического общества, идеала, к несчастью, сегодня искаженного нашими американскими институтами, которые полагают, что только плюрализм культурных ориентаций, этнических групп и стилей жизни исчерпывает плюрализм как таковой. Этого, однако, совершенно недостаточно. Уильям Джемс был, по всей видимости, более убежденным, чем Дьюи, глашатаем широко трактуемого плюрализма, но, надо думать, Дьюи в принципе согласился бы и с ним.

Но, конечно же, признание этого открытого и плюралистического идеала не дает утешения и успокоения тем, кто, подобно Н. Покровскому, видит нас всех обращенными лицом к глобальной катастрофе. Что же нам делать? Что мы способны сделать вообще?

Мы должны оставаться самими собой, утверждая вслед за Дьюи, что обновление и установление стабильности в нашем мире не могут быть достигнуты в общем масштабе, «в целом», если начинать процесс с вершин иерархии. Не существует такой всемогущей руки, которая произведет это восстановление стабильности. Мы сами обязаны достичь этого, начиная с самых широких оснований; мы должны выполнять работу обновления в том месте, где находимся, и именно с того, что нас окружает, с учетом проблем, которые подразумевают наше совместное участие и применение наших способностей. Реконструкция больших масштабов может начаться только с реконструкции малых сообществ, соединяющих людей, близких по интересам.

В конце своего доклада, невзирая на мрачные предсказания мировых несчастий и нашей беспомощности в глобальном масштабе, Н. Покровский выступает в духе Дьюи, делая вывод о необходимости конкретно локализованного и сфокусированного сопротивления монолитному наступлению «иррациональности» на наш мир. Как профессионалы, со всеми нашими заботами и ограниченными знаниями мы находимся здесь и теперь и можем реконструировать систему нашего общения, непрерывность нашего совместного опыта, передачу и продолжение во времени нашей солидарности, которую, правда, еще только предстоит обрести. Конечно, не существует гарантий того, что мы сможем создать или преобразовать интеллект на уровне наших сообществ, находясь в окружении расколотого и опасного мира. Нас могут победить. Но коль скоро не существует места для оптимизма, не должно быть места и пессимизму относительно того, что мы делаем. Когда мы работаем вместе, когда мы аккумулируем нашу энергию для того, чтобы привнести, интеллект в наши действия, это уже само по себе немало.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dewey J. The later works, 1925—1953. V. 7.1932 / Jo Ann Boydston (ed.). Southern Illinois University press, 1989.*

КРАТКОЕ ПОЯСНЕНИЕ К КОММЕНТАРИУ ПРОФ. Д. БРАУНИНГА

Относясь с огромным пиететом к таким классикам теоретической мысли, как Фридрих Ницше, Джон Дьюи, Уильям Джемс, Роберт Мертон, я менее всего стремился создать некую имитацию в духе этих великих людей. Моя цель состояла в попытке использовать отдельные концепции этих мыслителей (прежде всего Дьюи и Мертона) для лучшего изложения моих скромных умозаключений по поводу современного положения дел в мире. Поэтому я вполне согласен с Д. Браунингом, что ряд суждений, высказанных в докладе, не в полной мере согласуется, например, со взглядами Дьюи. Это, однако, не меняет сути дела.

Предположение Д. Браунинга, что я выдвигаю некую монолитную, не плюралистическую модель конвергенции, модель, отвергающую различия, свободную самореализацию и свободу воли, совершенно не соответствует моим намерениям. О результатах же, естественно, судить не мне.

Хочу лишь заметить следующее. Реконструкция системы может и должна идти как «сверху», так и «снизу». Эти два уровня не следует противопоставлять друг другу. Применительно к теоретической деятельности понятие «верх» означает общую теорию, значение которой так же весомо, как и значение теорий среднего уровня.

Любая живая социальная система включает и должна включать дисфункциональные, отклоняющиеся от нормы элементы. В этом смысле нет и не может быть абсолютно «здорового общества». Лишь коммунистическая и национал-социалистическая идеологии ставили в свое время задачу создать стерильно чистую социальную систему. Речь, однако, идет о другом.

Современная конвергенция двух систем, как мне представляется, прежде всего мобилизует дисфункциональные, иррациональные элементы, активно устанавливающие взаимодействие друг с другом. Они как раз и создают новую конвергированную систему со знаком минус. А это нечто иное. Это уже «болезнь», чреватая кризисом всего «организма», а отнюдь не отдельные «недомогания» и легко преодолимые отклонения от нормы. Объединенные дисфункции угрожают общему балансу системы в ее взаимодействии с окружающей цивилизационной и природной средой.

Отмечу, что мне совершенно чужды идеи казарменного единообразия, тоталитаризма, сильной власти, всевластного президента («мудрого Пиночета») и т.д., пусть и оправдываемые высшими целями. Мне, однако, весьма импонирует «принцип дисциплины», выдвинутый еще Ральфом Уолдо Эмерсоном, под которым этот выдающийся американский мыслитель понимал внутреннюю самодисциплину мысли, строгость нравственных начал, верность гуманизму. Именно внутренняя дисциплина мысли и нравственного чувства должна подсказывать нам, когда вполне приемлемый плюрализм начинает переходить в нечто разрушительное для социального микро- и макрокосмоса.

К моему великому сожалению, социальная реальность, как в США, так и в России, лишенная эмерсоновской «дисциплины» мысли и чувства, дает слишком много оснований для предсказания грядущего (или уже наступившего) кризиса конвергирующих систем.

Итоговые суждения Д. Браунинга об объединении наших усилий вызывают глубочайшее личное

удовлетворение. Я был бы даже рад поместить слова моего американского коллеги в качестве эпиграфа к своему докладу. Они показывают, что мы, не совпадая в ряде оценок и взглядов, полностью солидарны в главном: необходима интеграция целерациональных действий профессионалов и их сообществ, добиваться ее следует любой ценой. Таким может быть наш единственный практический ответ иррациональности и кризису.

Н. ПОКРОВСКИЙ